

Арабское житие св. Иоанна Дамаскина

Предисловие

В 1912 году, в одной из типографий Сирии, был издан арабский текст жития св. Иоанна Дамаскина. Издатель его, Константин Баша, уже ранее занимался христианскою арабскою литературою, и его перу принадлежит издание арабских трудов писателя IX века Феодора Абу-Курры (Абукары), предполагаемого ученика Иоанна Дамаскина, и перевод некоторых из них на французский язык.

До сих пор арабского текста жития Иоанна Дамаскина еще не издавалось. Но вопрос об арабском житии этого святого имеет важное значение для лучшего уразумения и более правильной оценки его греческого жития. Последнее, написанное Иоанном, патриархом иерусалимским, изданное в 1712 году известным Лекиеном и перепечатанное затем в 94-м томе греческой Патрологии Миня, до опубликования арабской версии жития Иоанна Дамаскина являлось лучшим источником для знакомства с жизнью знаменитого защитника иконопочитания. В 1897 году Д. Пападопуло-Керамевс издал еще два греческих текста жития Иоанна Дамаскина, из которых первое, анонимное и совершенно легендарное, озаглавлено "Житие... Косьмы и Иоанна Дамаскина, песнопевцев", — а второе, изложенное иерусалимским патриархом Иоанном Меркурополом, называется "Житие... Иоанна Дамаскина и Косьмы".

Для нас очень интересно свидетельство греческого жития о том, что в его основание было положено жизнеописание Иоанна Дамаскина, "грубо составленное" на арабском языке, т. е. на простом арабском языке, и написанное арабскими буквами. Поэтому прежде всего возникает вопрос, не имеем ли мы в издании Баша первоначальный арабский текст, о котором говорит греческое житие. Уже это одно обстоятельство должно вызвать известный интерес у византистов к нашему тексту. Сам издатель верит в это и озаглавливает свое издание так: "Основное житие св. Иоанна Дамаскина. Сочинение монаха Михаила антиохийца, из монастыря св. Симеона".

Обратимся к написанному по-арабски предисловию Константина Баша (с. 3–6).

Издатель, в предисловии сказав несколько слов о жизни Иоанна Дамаскина, замечает, что, несмотря на великое значение его личности и деятельности, более или менее обстоятельная история жизни Иоанна появилась долгое время спустя после его смерти. Только в XI веке, когда Антиохия была завоевана сельджуками, монах монастыря св. Симеона, в окрестностях Антиохии, Михаил, знакомый с греческим и арабским языком, написал по-арабски житие Иоанна Дамаскина, на основании различных полезных историй, о чем он сам говорит во введении к нашему арабскому тексту жития.

Немного времени спустя, житие это было переведено на греческий язык с большими изменениями Иоанном, патриархом иерусалимским, который, по мнению издателя произведений Иоанна Дамаскина, известного Лекиена (в 1712 г.), жил в X веке. Мнение последнего было принято почти всеми европейскими учеными, но, как думает Константин Баша, без достаточных оснований. Так напр., монах Агапий критский, автор сочинения "Спасение грешников", живший в XVI веке, в третьем томе говорит, что житие написано Иоанном, патриархом антиохийским. Это сочинение Агапия было в XVII веке переведено на арабский язык священником Иосифом ал-Мусаввир из Алеппо. Затем Георгий Пападопулос в своей книге о греческой музыке, вышедшей в свет в Афинах в 1890 году, в примечании к стр. 156, говорит, что в библиотеке монастыря св. Дионисия на Афоне, под

№ 173, он видел греческое житие Иоанна Дамаскина, приписанное Иоанну, патриарху антиохийскому, но счел это ошибкою переписчика.

Затем, несколько лет спустя, К. Баша нашел в Хомсе (Эмесе) древнюю арабскую рукопись, в которой недоставало нескольких листов; в этой рукописи он нашел часть жития св. Иоанна Дамаскина, и эта часть не имела вида перевода, так что издателю казалось, что он видит здесь арабский первоначальный текст; но в последнем все-таки уверен он не был.

Немного времени спустя, в деревне Кафарбу, в области Хамата (Хама), Баша нашел еще арабскую рукопись 1646 года, прекрасно написанную рукою Гавриила, сына Константина из Хамата, сына Григория, хаматского митрополита, В этой рукописи Григория, заключающей в себе жития некоторых знаменитых восточных святых, Баша нашел житие Иоанна Дамаскина, которое, по сравнению с выше упомянутою рукописью из Хомса, оказалось лишь сокращением текста последней; кроме того, в рукописи хаматской не оказалось двух листов.

Наконец, в Ватиканской библиотеке Баша в одной рукописи 1223 года, написанной Пименом Лавриотом (из лавры св. Саввы). среди знаменитых "Ста глав" Иоанна Дамаскина, нашел арабский текст его жития, оказавшийся по сравнению с другими рукописями наиболее полным и правильным, если не считать сокращения предисловия автора жития. На этом-то ватиканском тексте Баша и обосновал свое настоящее издание, прибегая иногда в неясных и испорченных местах к двум выше названным рукописям; однако, различие между ними и ватиканским списком оказалось настолько незначительным, что издатель счел даже бесполезным эти различия отметить.

Кончает Баша свое предисловие такими словами: известно, что патриарх алеппский Макарий читал полную арабскую копию жития Иоанна Дамаскина с предисловием, как он сам не раз говорит в своих сочинениях; при чем в одном месте он приписывает житие монаху Михаилу, в другом месте ему же при содействии Иоанна, патриарха антиохийского.

Таково содержание предисловия Баша.

Как видно, номера ватиканской рукописи, легшей в основание его издания, Баша не дает. В мою бытность летом 1913 года в Ватикане я эту рукопись имел в руках. В каталоге арабских ватиканских рукописей Анджело Май она находится под № LXXIX и содержит в себе различные сочинения Иоанна Дамаскина, напр. 53 главы Диалектики, Изложение и объяснение веры, Рассуждение против несториан, Сто глав о православной вере и нек. др. А. Май дает такое общее определение этого кодекса: *Opera philosophica et theologica e graeca lingua in arabicam ab Abdallah-ben-Alphadeli, metropolitan Melchitarum conversa*. На fol. 317 находится запись, упоминаемая лишь у Баша. Запись гласит следующее: Написал эту книгу Абуларам-ибн-Гайаим-ибн-Абрахам, монах Бимин Лавриот, в дамасской церкви блаженной Владычицы Девы Марии, в дни аввы Иоанна, архиепископа того же города, и аввы Симеона, сына Абу-Сайбеа, патриарха антиохийского. Дополнена эта книга в последнюю декаду мес. адара, от сотворения мира 6731, что соответствует последней декаде мес. сафара, в год хиджры 620 (т. е. в конце марта 1223 г. от Р. Х.). Начиная с fol. 328 идет анонимное житие Иоанна Дамаскина, которым и пользовался Баша.

В ватиканской рукописи предисловие жития, которое, в издании Баша, сообщает данные о его авторе, совершенно отсутствует, так что кардинал Май был вполне прав, назвав это житие, на основании данного ватиканского списка, анонимным. Баша приводит предисловие, очевидно, на основании своих восточных рукописей.

Для нас, между тем, очень интересно предисловие к нашему тексту, автором которого является монах Михаил, попавший в плен к румскому (малоазиатскому) сельджукиду Сулейман-ибн-Кутулмышу при взятии последним Антиохии в 1084 году.

Отсюда явствует, что наш арабский текст принадлежит концу XI века, т. е. написан более чем триста лет спустя после смерти Иоанна Дамаскина. Судя по введению нашего издателя Константина Баша, он склонен считать изданный им арабский текст жития более древним, чем известная его греческая редакция, приписываемая Иоанну, патриарху иерусалимскому. Хотя в ученой литературе мы часто встречаем утверждение, что здесь речь идет об Иоанне иерусалимском, современнике императора Никифора Фоки, т. е. о второй половине X века (963 — 969 г.), тем не менее можно отметить и некоторые сомнения и колебания относительно личности этого патриарха. Изданный Пападопуло-Керамевсом греческий текст жития называет его автора архиепископом и патриархом иерусалимским Иоанном Меркурополом. Пападопуло-Керамевс полагает, что для X века доказательств нет, и находит двух патриархов иерусалимских Иоаннов, из которых один жил в начале XI века, другой же во второй половине XII в.; при чем он отождествляет Иоанна иерусалимского ранее известного греческого текста с Иоанном Меркурополом, занимавшим патриарший престол в Иерусалиме от 1156 по 1166 г. Интересно отметить, что наши славянские Великие Минеи Четии, под 4 декабря, дают житие Иоанна Дамаскина, написанное Иоанном, патриархом антиохийским. Полная оценка нашего арабского текста, относящегося к 1085 году, возможна будет лишь тогда, когда хронологически будет точно определено его отношение к греческому тексту.

Отметим, что в XI веке все сочинения Иоанна Дамаскина были переведены на арабский язык. В половине XI века процветал, напр., в Антиохии мелкитский диакон, позднее митрополит Абу-л-Фатх-Абдаллах-ибн-ал-Фадл, который перевел философские и богословские сочинения Иоанна Дамаскина, а именно:

- 1) первые 53 главы "Источника знания";
- 2) "Изложение и объяснение веры";
- 3) Извлечения из второй части "Источника знания" (против ересей);
- 4) "Книга о православной вере" (третья часть "Источника знания");
- 5) "Трактат о православной вере";
- 6) "Канон исповедания веры".

Нет ничего удивительного, что и житие Иоанна Дамаскина появилось на арабском языке также в XI веке.

В Петербурге, в Азиатском музее Академии Наук, есть также рукописи с арабскими переводами сочинений Иоанна Дамаскина, напр., "Изложение православной веры", "Диалектика" и некоторые другие.

В Ватикане, кроме уже отмеченной рукописи, находится еще несколько рукописей с сочинениями Иоанна Дамаскина на арабском языке, напр., № 78 (*Paradisus intellectualis*), № 177 (53 главы Диалектики, e graeca lingua in arabicam conversa ab Antonio monasterii sancti Simeonis in monte Antiochiaie abbate; 100 глав о православной вере), № 178 (*Liber*

dialecticae ex graeco in arabicum idioma ab anonymo conversus), № 179 (Liber dialecticae ad Cosmam episcopum civitatis Maiumae).

Считаю не лишним также отметить, что в Вене существует греческий палимпсест, где минускульным письмом XI века, по определению Сп. Ламвроса, написано житие Иоанна Дамаскина, приписываемое Иоанну, патриарху Иерусалимскому, и напечатанное у Миня. Вопрос лишь в том, правильно ли датировано Ламвросом письмо палимпсеста, относимое им как мы видели, к XI веку.

В настоящий момент, после этих предварительных замечаний, я имею намерение лишь предложить в возможно более дословном переводе изданную Константином Баша арабскую версию жития св. Иоанна Дамаскина. Каких-либо исследований в области его истории я пока не берусь делать.

Считаю своим приятным долгом выразить мою сердечную благодарность приват-доценту Петербургского Университета И. Ю. Крачковскому, который, с присущей ему всегда товарищескою готовностью, помог мне разобраться в затруднительных для меня местах данного арабского текста жития Иоанна Дамаскина.

А. Васильев.

Житие

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога. Аминь!

Повествование о житии отца нашего, выдающегося среди блаженных, знаменитого среди лучших святых, аввы Иоанна Дамаскина, пресвитера, по прозванию Златоточивый: то, что легко было собрать из данных о его истории. Да поможет нам Бог его молитвами. Аминь!

Вот что побудило и заставило меня рассказать и написать житие Отца нашего блаженного, святого аввы Иоанна Дамаскина, пресвитера, по прозванию Златоточивый. Да помилует нас Бог в его молитвах. Сулейман-ибн-Кутулмыш осадил город Великую Антиохию и стал громить ее с расположенной на восток горы, которая называется ал-Кайсакил, в воскресенье, первого числа месяца Кануна I, в восьмой индиктион, в лето 6593 от сотворения мира (т. е. 1084). В течение трех дней он овладел городом; из жителей его не осталось в живых никого, кроме тех, которые в бегстве взобрались на гору в городскую крепость. В тот день я, бедный Михаил, монах, пресвитер, — а это был вторник, — находился в городе, спасся от турок бегством и спрятался в одном темном помещении. Бог, по Своей воле, укрыл меня от их взора и спас меня от них. Когда наступила ночь и я увидел, что город оставлен жителями, на меня напали страх и беспокойство; я порицал себя за то, что остался позади них и не поднялся на гору вместе с населением моего города. Потом в полночь я встал и начал взбираться на гору, так что к утру достиг ворот крепости.

В то время, как я старался войти в нее, из нее выехала на конях толпа жителей города и с ними отряд турок, которых они призвали на помощь из крепости Артах и дали им много денег с тем, чтобы они помогли им против врага их Сулеймана; и они быстро спустились. В то время, как я обращался направо и налево, чтобы войти в крепость, я увидел, что они возвращаются в бегстве, а турки Сулеймана их преследуют. Меньше чем в час, они

погнали всех мужчин, женщин, детей, которые находились на стене, на горе, в крепости и ее окрестностях, а сверх того верховых и вьючных животных, и заставили спуститься вниз. Я был в числе пленных и упрекал себя в неблагоразумии. Всякий раз, как я вспоминал об этом очень печальном происшествии, глаза мои проливали потоки слез, потому что это было чрезвычайно страшное и ужасное бедствие, подобного которому в столь короткое время никогда не случалось. Когда их люди гнали нас по склону горы и мы были в смущении и отчаивались в жизни, я вспомнил о дне — а это была среда четвертого числа упомянутого месяца — потом, что я прежде видел в этот день в населении Антиохии: радость, веселье, великое ликование и торжество; великолепнейшее платье их и одеяние; большое число лиц, едущих верхом на верблюдах и мулах; присутствие в церкви святой Варвары и ежегодное празднование ее памяти вместе с патриархом, церковным клиром, правителем и главными представителями власти. Тогда я обратился к ней с мольбою о заступничестве и помощи перед Богом и повторил моление тому, кто участвует с нею в совершении праздника своего в тот же самый день, т. е. авве Иоанну Дамаскину, пресвитеру. Я умолял его во все время моего спуска с горы, напоминал ему обе усердии его в деле христианской веры и просил защитить и избавить народ от той гибели, среди которой он очутился, его молитвами и заступничеством; (я так молился), пока мы не очутились в долине. Мы уселись на землю, и вот глашатаи кричат громким голосом, говоря, что Сулейман разрешил пленным жителям города спокойно и безбоязненно возвратиться в свои жилища. Все возблагодарили Бога, — да будет благословенно Его имя! — Который помог им в эту минуту своею милостивою любовью и своим сокровенным, благим промыслом. Это была милость от Творца, — да будет он славен! — для описания качеств Которого языки слабы.

Когда прошел год и наступил день двух праздников, т. е. праздника святой Варвары и блаженного Иоанна, значит на второй год в месяце Кануне I, я пожелал услышать историю святого Иоанна, но от всех узнал, что подробной истории его не существует ни на греческом, ни на арабском языке. Я удивился, каким образом небрежность его современников заставила их забыть его историю, несмотря на его славу, величие, обилие совершенства и почета перед другими; ведь речи его произносятся всеми христианами, собирающимися в церквях, ночью и днем уже в продолжении многих лет. И я не нашел, кто бы мне объяснил причину пренебрежения историей Иоанна. Я уже раньше слышал о нем отдельные рассказы и нашел очень краткие упоминания, записанные во многих историях отцов, его современников, и отдельные части. Я собрал все это, кое-что выпустил, так как нашел, что эта часть истории не соответствует ее основному характеру, и сделал из этого один связный рассказ. Кто внимательно отнесется к нему, тот простит меня, что я дерзнул на то что превышает мои силы, и опередил ученых, которые были до меня, хотя они и в этом отношении, и в других красноречивее меня; но я пожелал приблизиться к нему вследствие той пользы, которая, как я ощущаю, пришла от него ко мне. Поэтому я собрал из данных о его истории то, что легко было собрать; а это немного из многого. Бог же воздает каждому по силе его разума и труда. Ему подобает слава во веки. Аминь!

Для большинства людей, желающих ознакомиться с историей божественных мужей и блаженных святых отцов, слава которых превышает других достойных и ученых, — столпов церкви, укрепленной на скале правой веры, и защитников истинной религии, — для этих-то людей нет ничего лучше и важнее чтения рассказов о святых, которое доставляет наслаждение, превосходящее всякое другое наслаждение, и душевную и телесную сладость. Особенно же часто это случается, когда проходит после их жизни много времени, и не бывает ни связного рассказа об их житии, ни рассказа, записанного на бумаге, который раздавался бы в ушах верующих христиан, собравшихся для поминовения святых. Известия о них сообщаются одно за другим в немногих словах, по

слуху и по преданию; потом, в момент наслаждения и приятной сладости вкушения рассказа, сообщение прерывается, так как у рассказчика нет источников для изучения святого, подобно драгоценным камням, рассыпанным в различных местах и разных местностях; когда же эти рассеянные жемчуга и дорогие разбросанные камни будут собраны и составят нанизанное ожерелье, где камни, в надлежащем порядке, следуют один за другим, тогда взоры усердно направляются на их созерцание и сердца, с великим хотением и желанием, устремляются к слушанию их с начала до конца; и это для них лучше, чем драгоценные камни или мощная, крепкая слава. Среди них тогда находился, один, наиболее выдающийся по своему значению и влиянию — блаженный Иоанн Дамаскин, раз-сказ о котором находится в настоящее время у нас, по прозванию Златоточивый, украшающий храмы Господа нашего Христа Всевышнего, восхваляющий Владычицу нашу Деву Матерь Его песнями, канонами и псалмами, песнопениями всякого рода, которые поет народ в православных церквях в Господние праздники и в торжества святых мучеников, написавший еще многочисленные книги и возражения против сомневающихся и противоречащих ему, знающему наизусть книги Ветхого и Нового Завета после изучения им светских наук логики и философии. А блаженной памяти Косьма, история которого известна, епископ Маюмский, являлся ему сотрудником в большинстве его сочинений и псалмов вследствие их совместного обучения и общей жизни, так как Косьма воспитывался в доме отца Иоанна, и вследствие их одинаковых в последнее время благочестия и монашеского жития, высокого по достоинству.

Блаженный Иоанн, место рождения и воспитания которого было в известном городе Дамаске, был сыном Мансура, известного под названием Ибн-Серджун (Сергий); последний занимал почетное место среди населения города, крепко держал бразды управления им, а именно был василиком, т. е. правителем всей его области и собирателем с нее денег; он следовал по пути истинной добродетели и похвальной религиозности, боялся Великого Бога, исполнял Его заповеди и, будучи богато одарен мудростью, любил знание. Поэтому, по Божескому внушению, он озаботился образованием своего сына Иоанна и вознес его до наивысших ступеней знания при помощи его учителя, монаха Косьмы, философа, калабрийца.

Не думай, мой слушатель, из-за совпадения имен, что это — Косьма, епископ Маюмы, воспитанный с Иоанном в доме его отца. Это — другой Косьма, зрелого возраста, сильный в знании, от которого они оба (т. е. Иоанн и Косьма) получили свое философское образование; он, т. е. Косьма калабриец, прибыл в город Дамаск в толпе многочисленных пленников для продажи в рабство; морские разбойники захватили их в плен с одного из иностранных судов. Если кого из пленников не покупали и не соглашались на его цену, тому они грозили отрубить голову. И каждый из них, который отправлялся на казнь, приходил раньше к Косьме калабрийцу, монаху и философу, находившемуся с ними в плену и рабстве, бросался к его ногам и просил его вспомнить о нем в своей молитве и помолиться за него, чтобы он обладал терпением и твердостью во время своего страдания и чтобы ему было даровано прощение и отпущение в будущей жизни.

Когда морские разбойники увидели, что Косьма пользуется у пленников таким большим почетом и первенством, они сказали ему: "Разве ты патриарх христиан? И поэтому они тебе уделяют такое большое место и великое достоинство?" Отвечал он им: "Не патриарх я и не глава, но бедный монах — философ." При этом его ответе им, из глаз его потекли обильнейшие слезы. Мансур, отец Иоанна, увидел его в таком положении, плачущим и рыдающим; он быстро подошел к нему и сказал: "Человек! Что заставляет тебя плакать? Твой вид указывает на твое отречение от мира". Косьма отвечал ему: "Не плачу я ни о мирской жизни, ни о ее трудности, ни о mnogой изменчивости ее, ни о ее великих печалях. Но скорблю я о тех знаниях, которым я обучался с малых лет, над которыми я трудился в

продолжение моей жизни, но не воспользовался ими во время моего существования и не был в состоянии передать их тем, кто просил бы Бога помиловать меня после моей смерти."

Правитель Мансур сказал ему: "Какие же из наук ты усвоил?"

И сказал ему Косьма: "Изучил и узнал я их все так что ни одна из них от меня не укрылась."

Услышав от него это, Мансур быстро поднялся к эмиру и просил его подарить Косьму; затем он привел его в свой дом и утешил сердце его речами, сказав ему следующее: "Теперь ты у меня не будешь рабом; но, ради Господа, будь свободным. И вот, я помещу тебя в моем доме, сделаю тебя участником в моих деньгах и имуществе и сравню тебя со мною в жизни и питье. Но я желаю от тебя, чтобы ты обучал моего родного сына Иоанна и Косьму, моего сына духовного, сироту, моего теперь воспитанника, из Иерусалима, тому твоему знанию, о котором ты мне рассказал."

И отвечал ему Косьма: "Слушаю и повинуюсь твоему приказанию, господин мой!"

И начал он обучать их, не разлучаясь с ними ни днем, ни ночью. При их счастливых, т. е. благословенных способностях, они в короткое время выучились от него всем наукам и дошли в них до предела (знания); эти науки — грамматика, философия, астрономия и геометрия. Они не оставили ни одной книги, которую бы внимательно не изучили или заботливо не прочли; они усвоили весь всеобщий цикл (наук) греческих и старались проникнуть в глубь Священного Писания, насколько это надлежало. Их превосходство было очевидно для всех, кто их знал. Испытание возможно для того, кто пожелал бы проверить то, что мы рассказали, и узнать их совершенство во всех науках: если он прочтет приписываемые им песнопения, каноны и сочинения, то узнает, сколь сильны они были в знании и благочестии; когда же они пожелали пойти по пути более славному по положению и более высокому по достоинству, они облеклись в монашеское одеяние и восприняли его ярмо.

Мы dokonчим рассказ об этом в своем подходящем для этого месте, а теперь возвратимся к тому, с чего мы начали раньше.

Когда обучение их было закончено, Косьма, монах-философ, явился и сказал своему господину Мансуру: "Твой сын Иоанн уже изучил все науки, и знает он не меньше меня. Тоже самое и Косьма. Я и прошу тебя отпустить меня. Я отправлюсь в Иерусалим, поклонюсь святым местам, поселюсь, с помощью Божьей, в монастыре св. Саввы, посвящу себя Богу и буду служить Ему остаток моей жизни; за твои же милости и благодеяния буду благодарен тебе и | буду молиться за тебя."

И отвечал ему Мансур следующими словами: "Я исполнен скорби вследствие разлуки с тобою и нет границ печали моей из-за твоего удаления. Но если ты желаешь отдаться Богу, — да будет Он славен, — покинуть нас и расстаться с нами, то я не считаю возможным удерживать тебя от этого или препятствовать тебе в этом. Иди с миром по хорошему и в молитве своей вспоминай о нас." Он отпустил его в путь, как Косьма желал, и дал ему все, в чем у него могла быть нужда. И жил Косьма калабриец в монастыре св. Саввы, согласно своему желанию и избранию, до своей смерти.

После этого умер Мансур, и сын его Иоанн сделался первым секретарем областного правителя, обладателем его тайных и явных помыслов, его приказаний и запрещений. В это время Константин, по прозванию Навозник (= Копроним), сын Льва Исавра, восставшего на божественные иконы, овладел городом Константинополем. Он смутил все

церкви и открыл гонение на твердых в вере в Господа нашего Иисуса Христа Всевышнего, восстав на святые изображения Его, а также на изображения Матери Его Св. Девы и вообще на все изображения святых; он ненавидел рассуждающих о естестве Бога, — да будет велико имя Его! — т. е. посветивших себя аскетической жизни монахов, которые следовали по пути жития ангельского. Он называл их одетыми в платье мрака.

Милостивый и мудрый Иоанн отличался своим усердием в вере и своими прямыми и твердыми взглядами. Он не занимал никакой определенной должности в святой церкви и не принадлежал к лицам, обладавшим церковными кафедрами и церковными властями; но он был известен своей перепиской со всеми близкими и далекими странами по вопросу об укреплении церковью и о приверженности к достойному прославлению исповедованию поклонения святым иконам; перепискою, отличающеюся твердым изложением и красноречивым увещанием; при чем он в доказательство приводил наилучшие слова святого Василия Великого, который говорит, что почитание иконы восходит к ее первообразу.

Когда император Лев, ненавидевший святые иконы, узнал о его энергичных и чистых деяниях и о его переписке, т. о он заскрежетал своими зубами и клыками, как дикая свинья, и стал строить против него козни такого рода.

Он позвал писцов из канцелярий, показал им одно из писем Иоанна и приказал им в совершенстве подделать его почерк, отнюдь не отступая от него по сходству, уподобиться ему по языку и написать подобное письмо, которое имело бы вид послания от него к императору, где он объяснял императору, из расположения к нему и общности религии, что большая часть городов области Сирии не занята и свободна; в них нет защиты против врага, который бы па них устремился, и у них нет средств отразить от себя того, кто пожелал бы захватить их; легко исполнимо намерение того, кто пожелал бы овладеть ими, и тому подобное в таком же духе и роде.

Потом Лев написал еще другое письмо от себя к правителю Дамаска, где он говорил: "Для скрепления любви ни мира, которые существуют между нами, я, не желая нарушать договоры, на основании которых утверждены наши мирные отношения, посылаю тебе одно письмо, пришедшее в наше государство от твоего секретаря Иоанна, где он подстрекает нас устремиться на твою область и воспользоваться удобным случаем овладеть твоею страной, так как она лишена людей для своей защиты и доступна для того, кто пожелал бы ею овладеть. Когда я прочел письмо и удостоверился в нем я познал искренность любви к тебе с нашей стороны; а сила твоего значения у нас высока. Привет!"

И отправил он посла к нему с письмом императора-еретика и с письмом, подделанным сообразно (почерку и слогу) блаженного Иоанна.

Когда посол прибыл к эмиру, он собственноручно вручил ему оба письма и объяснил перед ним суть письма его министра Иоанна, чтобы оно не попало в руки последнего и не было им скрыто. Эмир позвал Иоанна, вручил ему сначала письмо, в котором был подделан его почерк, и сказал ему: "Узнаешь ли, Иоанн, этот почерк и того, кто написал это?" И сказал ему (Иоанн): "Эмир! Действительно, этот почерк похож на мой почерк; но это не моя рука, а слов его не говорили мои губы. Письмо это никогда не было в моих руках, и глаза мои видят его лишь (впервые) в настоящий момент, когда я стою перед тобою." Затем (эмир) дал ему письмо византийского императора; и тот прочел его. Когда (Иоанн) окончил читать его, эмир приговорил его к немедленному отсечению руки. Иоанн много умолял его и усердно просил его отсрочить его казнь, чтобы обнаружить ему козни, благодаря которым император послал ему письмо. Но эмир не внял его словам и не дал

ему возможности дальше оправдываться: его правая рука была отсечена и повешена в центре города Дамаска.

Когда наступил вечер, Иоанн послал сказать эмиру: "Эмир! У меня в руке сильнейшая боль; и, покуда ладонь ее висит в воздухе, боль ее вовсе не успокоится. Но, если ты заблагорассудишь мне дать ее для погребения в земле, тогда, может быть, эта боль прекратится". Тогда (эмир) приказал вручить ему отрезанную часть руки. Когда Иоанн получил ее, он вошел в свою молельню и всем телом своим пал на землю перед иконой славной Владычицы и неотклонимой Заступницы; затем он приложил отрезанную ладонь свою к кисти руки и взмолился к Ней из глубины своего сердца; глаза его наполнились горячими слезами, падавшими на его грудь. Он говорил: "О, святая, чистая Владычица, Мать Бога нашего, Слова Предвечного по воплощению Его из Твоей чистой крови! Во имя великой любви Его к человеческому роду, прошу Тебя обратиться к Нему с мольбой за меня и заступиться перед Ним ради обилия скорби моей и силы страдания моего, так как Он знает то, что постигло меня, и до чего я доведен был иконоборцами, которых я открыто изобличал в лживости и пустоте мерзостного их верования вследствие великой веры моей и любви моей к Богу Господу нашему Иисусу Христу Живому Предвечному. И вот, враг человеческий возбудил против меня козни, и мне отрубили руку.

Теперь я стираю ее Тебе, чтобы Ты укрепила ее там, где она была прежде целою, свободною от всякой боли. чтобы отрезанная часть зажила и чтобы Ты показала на рабе Твоем обилие Твоего сострадания для того, чтобы язык мой не переставал хвалить Тебя, пока я буду жить. Ведь Ты в состоянии сделать то, о чем я Тебя прошу, благодаря силе Воплотившегося от Тебя Творца всего мира, его Держателя и Управителя, Которому подобает Слава во веки веков. Аминь"!

Когда он молился в таком роде и в такой форме, слезы обильно текли из глаз его от пылания сердца его и внутренностей. Он тотчас задремал и увидел во сне Милосердную, в Ее виде и образе, Которая взирала на него Своими глазами и говорила: "Рука твоя исцелена. Сдержи свое слово Богу твоему и не откладывай обещания своего". Иоанн проснулся в радости и веселье, стал на ноги с благодарственной молитвой и тотчас запел то, что подобало быстроте ответа на его мольбу и полному исцелению в самое короткое время, подобно древним, известным чудесам, описанным в прошедшие времена. Он совершал свою молитву в продолжении ночи, непрестанно находясь в своей комнате, благодаря Всевышнего Бога и возглашая о Его блестящих чудесах и обилии прекрасных милостей. Но дело Иоанна не укрылось от врагов его, которые наклеветали на него эмиру, будто у Иоанна не была отрезана рука; но он дал денег, и была отрезана рука другого человека, а не его, так как он в своем доме очень радуется своему состоянию.

И позвал его эмир. Когда же он рассмотрел след отрезанной части на его руке, он удивился случаю с ним и сказал ему: "Какой врач лечил тебя и что ты употреблял для своего излечения?" И ответил ему Иоанн громким голосом и с восторгом, превосходящим проповедника, следующее: "Мой Христос — искусный врач. Он может сделать все, что ни пожелает. Поэтому для Него не трудно было исцелить меня, и Он быстро исполнил мое дело".

И сказал ему эмир: "Как кажется моей мысли, ты свободен от подозрения, в котором мы тебя держали. Мы просим У тебя прощения за него и за то, что мы столь поспешно пошли ему на встречу. Возвращайся на свою службу и на свою должность. С этого дня мы не будем поступать без твоего приказанья и не будем противодействовать твоему суждению и совету".

Тогда Иоанн упал на землю перед ним, оставался в таком положении долгое время и просил его простить его и отпустить его по пути Господа его, по тому пути, который он избрал и который угоден Богу. После большого усилия и труда, он согласился отпустить его. И отправился (Иоанн) тотчас в свой дом и разделил большую часть своего имущества бедным и нуждающимся. Потом он пустился и в путь в Иерусалим и направился в монастырь св. Саввы. в сопровождении Косьмы, который воспитывался в доме отца его и был соучастником его в науке и образовании; вследствие стремления их пойти по пути более славному по положению и более высокому по достоинству, они должны были облечься в почетное монашеское одеяние и принять его честное легкое бремя. Когда Иоанн обратился к настоятелю монастыря с просьбой (разрешить ему) поселиться у него и принять монашество, тот очень обрадовался его приходу и усерднейше хвалил его стремление. Вследствие его великой славы, возвышенного положения и почитания его, (настоятель) желал, чтобы один из выдающихся и совершенных старцев принял к себе Иоанна, для руководства его жизнью сообразно с почетом, которого он заслуживал и который ему подобал, и чтобы он научил Иоанна монашескому житию без тех тяжелых трудов, которые связываются с путями святых отцов и совершенных подвижников. Но старец уклонился принять Иоанна и просил настоятеля поручить его другому. После того как. Настоятель переговорил с большинством старцев по этому вопросу, они не склонились к его желанию, но приводили ему основания, говоря следующее: "Этот муж высок по положению, богат совершенствами и велик значением, так что ему нельзя покоряться нашим приказаниям и подчиняться нашим велениям. И мы просим тебя, чтобы ты избавил нас от него". Когда вопрос о нем принял такое положение и затянулся, пришел к настоятелю один из духовных, простых старцев и сказал ему: "Я возьму на себя руководство Иоанном". И поручил настоятель ему Иоанна.

Когда он прошел с ним в его келью, старец начал наставлять его, говоря следующее: "Я ставлю тебе, мой духовный сын, условием, чтобы ты отбросил от себя все мирские образы и их суетные, ввергающие в заблуждение превратности. Все то, что ты будешь видеть, что делаю я то же самое, подобно мне, делай и ты. И не возносись знанием, которое ты приобрел; знание монашеское и подвижническое не ниже его, но гораздо выше его по своему положению и мудрости, Старайся порвать с твоими увлечениями и делать то, что противоречит твоему удовольствию. Не делай никакого дела без моего указания и совета. Не пиши никому писем. О мирских науках, которые ты изучил, не говори и не вспоминай вовсе". Иоанн сей склонил перед ним свою голову, поклонился ему и обещал в совершенстве и вполне следовать его завету и указанию.

После того, как он остался у него продолжительное время, наставник его пожелал испытать его повиновение и испробовать, до какой степени доходит он в своей добродетели. Он сказал ему: "Духовный сын мой! Я узнал, что работа наша, т. е. корзинки, требуется в Дамаске; а у нас их набралось много. Встань, пойди в город, продай их и деньги за них принеси, так как мы в них нуждаемся на наши расходы". После этого (наставник) велел ему нести корзины и назначил ему за них двойную цену, чтобы он не мог быстро и легко их продать. Когда (Иоанн), придя с ними в Дамаск, ходил по площади с корзинками и не находил покупателя вследствие большой цены их и его прибавки к их настоящей цене, то увидел его один из рабов, служивших ему раньше. Он узнал (Иоанна), но не показал ему, что он узнал его; он почувствовал к нему сострадание, пожалел его и дал ему всю цену, которую тот просил. (Иоанн) взял от него деньги и возвратился к своему наставнику, увенчав себя венцом победы, одержав верх над демоном гордости и высокомерия.

Однажды умер старец-монах, бывший соседом наставника Иоанна. У него был родной брат, который сильно печалился вследствие разлуки с ним и не мог удержаться от плача и

скорби всякий раз, как вспоминал о нем. И просил (брат) авву Иоанна составить для него благозвучный тропарь в виде утешения в его скорби, чтобы он его произносил и утешался, когда будет читать его и отвлекаться им от рыданий, которые для него бесполезны. И отвечал ему Иоанн, усиленно уклоняясь (от этого), следующими словами: "Я боюсь порицания со стороны старца, моего наставника, (за нарушение) того, в чем я ему обязался в начале моего монашества". И сказал ему монах, который просил его: "Я не сообщу о нем и не буду произносить его иначе, как наедине". И сочинил ему (Иоанн) тропарь, который до сего дня читается при погребении и которым, постоянно пользуются, — (тропарь) прелестный, прекрасный, изящный, красивый, начало которого таково: "Поистине, все вещи суетны и преходящи". Иоанн начал петь его и заканчивать. В то время как он громко читал тропарь, застал Иоанна его наставник и сказал ему: "Разве я это тебе приказал? Разве я повелел тебе петь вместо того, чтобы плакать?". И сообщил ему (Иоанн) о просьбе монаха, его соседа, и просил простить ему нарушение его приговора. Но тот ответил ему: "Тебе не подобает жить со мною. Уходи поскорее от меня!"

И вышел Иоанн от него опечаленный и пошел к монастырским старцам, чтобы они попросили его наставника разрешить ему возвратиться к нему и простить ему его грех. Когда старцы пришли к его наставнику, он не принял их просьбы. Тогда один из них сказал ему: "Разве у тебя нет епитимии, чтобы наказать его, а затем принять нашу просьбу и отпустить ему его грех?".

И сказал он им: "Если он вычистит лопатою отхожие места старцев-монахов и покажет мне на этой работе свое повиновение, я возвращу его в его келью". И ушли (старцы)— опечаленные и смущенные.

Увидев их, блаженный Иоанн пошел к ним навстречу, поклонился им и стал расспрашивать их о том, что по его делу приказал старец, его наставник. И отвечали они ему: "Поистине, нам оказалось так трудно склонить старца, твоего наставника, как мы и не ожидали; а именно, он согласился на епитимию, о которой мы никогда не слышали и не знали". И сказал им (Иоанн): "Какая же это?" И сказали они ему: "Вычистишь ли ты лопатой отхожие места старцев?". И ответил им (Иоанн), с быстротою своего повиновения и совершенною приятностью своего нрава, следующими словами: "Для меня это легко сделать и не трудно выполнить". Тотчас взял он лопату и корзинку и начал работу в кельи, которая примыкала к их жилищу.

Когда увидел старец быстроту его поступка и обилие его смирения, он поспешил к нему немедленно, не дал ему окончить работы, схватил его за обе руки, целовал в голову и глаза его и сказал: "Довольно, сын мой, довольно! Ты в совершенстве высказал смирение, и даже больше, чем смирение. Тебе не нужно упражняться в иной добродетели. Иди сюда, в твою келью, с приветом и довольством, с совершенным почетом и миром!".

Немного дней спустя, наставнику его явилась во сне Владычица, которая ему сказала: "Зачем это ты преграждаешь источник и мешаешь ему течь и литься. Поистине, Иоанн предназначен, чтобы своими песнопениями украшать церкви и праздники святых, и чтобы верующие наслаждались приятностью его слов. Позволь ему говорить все, что он хочет и желает: Дух Утешителя говорит языком его". Когда настало утро, старец сказал блаженному Иоанну: "Сын мой духовный! Если отныне к тебе придет слово, которое ты кажешь, то никто не будет тебя от него удерживать, так как Бог одобряет и любит это. Открой уста твои и говори о всем, что тебя будет вдохновлять. Мое же запрещение тебе объясняется моим невежеством и малознанием". Тогда Иоанн начал составлять каноны на святое Воскресение со стихирами и тропарями. Блаженный Косьма также занимался тем же, чем он. Они соревновали друг с другом в речах своих обилием и крепостью

Божественной любви, и никогда, на протяжении их жизни, на них не нападали ни зависть, ни высокомерие.

Что касается преславного Косьмы, то, после того как он прожил значительное время в лавре св. Саввы, епископы, жившие в Иерусалиме, обратились к нему с усердной просьбой и посветили его во епископы города Маюмы, известного: теперь под названием Мимас. Он управлял хорошо и угодно Богу и пас паству свою на пастбище спасения; он достиг возраста крайней старости и удалился ко Господу.

Что же касается до блаженного Иоанна, то патриарх святого города призвал его к себе и посветил его в диаконы без его желания; но благодаря силе своего настояния перед ним, патриарх отвратил Иоанна от его точки зрения. Когда последний вернулся от него в лавру, то еще с большим усердием предан был исполнению религиозных обрядов и подвижничеству и занялся сочинением своих речей, которые распространились до крайних пределов вселенной.

К числу их (надо отнести) историю Варлаама и Иосафа, в которой он высказал всю божественную и человеческую мудрость. Что касается до речей его "О правой вере и о воплощении Предвечного Слова", о его выступлении против врагов-иконоборцев и других схизматиков, то, если кто из людей, преданных знанию, внимательно познакомится с ними, тот познает истину речей его, силу обилия слов его и ревность его в христианской вере. Свидетелем того, что я сказал, я приведу лицо, в пользу свидетельства которого нет сомнения, — это святой Стефан Новый, исповедник за иконы в царствование Константина Копронима.

Упрямый Константин сильно желал, чтобы блаженный Стефан отделился от своего справедливого взгляда на почитание икон, и в своем желании дошел до крайней степени. Но так как он не мог изменить его образ мыслей, несмотря на то, что старался влиять на него всякими хитростями и различными неприятностями, которые он доставлял Стефану, — последний же оставался тверд в своем сознании, — тогда Константин приказал изгнать его на один из островов, после его первого изгнания и прежде чем заключить его в темницу Преторий, где находились в заключении 340 отцов, члены которых носили следы жестоких отсечений, многочисленных ударов и мучений за поклонение иконам. Когда же изгнание его на этом острове продолжалось некоторое время тогда устремились к нему настоятели монастырей и славнейшие из монахов, известных своею набожностью, живших в странах Европы, Византии, Вифинии и в области Абрусия (Прусиады-Бруссы). Все они пришли к блаженному Стефану, как к любимому отцу и избранному руководителю, с просьбою указать им путь и дать совет к спасению. Стефана, вследствие его изгнания, охватила сильная печаль; он проливал обильные слезы из-за гонения на церковь. И сказали ему они: "Скажи нам, отец, что вам нужно делать, так как мы тонем в смущении".

Когда блаженный увидел, что к нему толпами приходят отцы, он выдрал свои седые ангелоподобные волосы и сказал: "Дети и почтенные братья! Нет ничего лучше решения избрать совершенное благочестие, и нет ничего сильнее души, которая не пожелает служить злу. Я убежден, на основании вашего смирения, что вы предохранены и от того, и от другого. Поэтому скорее вы будьте мне советниками и руководителями, так как "оскудеша очи мои в слезах, смутится сердце мое о сокрушении дщере людей моих", — говорю я вместе с пророком Иеремией; ведь вижу я невесту Господа грубо и горько осажденною злым, лживым и издавна ведущим борьбу с нашей природою демоном и сильно плачу я и рыдаю о тумане, лежащем на пастырях и пастве".

Когда блаженный Стефан обратился к ним с этими словами и еще другими в собрании именитых монахов, которые устремились к нему, проливали обильные слезы, били себя в грудь и стонали, он ответил им следующими словами: "Так как для нас есть лишь три части, которые не приобщились к этому растлевающему учению, то я советую вам туда направиться; ведь из мест, находящихся под властью этого дьявола, не осталось другого места, где бы не повиновались его приказанию и учению".

И сказали они ему: "Где же эти области, чтобы мы отправились туда?"

И отвечал он им такими словами: "Области это те, которые находятся в пределах Понта Евксинского и прилегающей области Херсона; а также области, лежащие по Парфенийскому морю и прилегающие к Южному заливу, до склонов древнего Рима, до области Тибра, реки Рима, и до пределов нижней приморской части Ликии и других местностей на берегу; а также остров Кипр и расположенные за ним Триполи, Тир и Яффа. Нет нужды нам говорить о главенствующих патриархах Рима, Антиохии, Иерусалима и Александрии, которые не только презирали верования иконосожигателей, но проклинали их, изрекали против них анафему и не переставали рассылать послания, позорящие (их верования), поносящие императора-обманщика, виновника этого растлевающего учения; при чем они называли его еретиком и главою раскола. Из тех, кто наиболее поносил императора, был многославный Иоанн Дамаскин, называемый мятежным тираном Мансур, а нами — чистый, святой и богоносный. Этот святой Иоанн не переставал писать императору, называя его главою шутов, безумцев, иконосожигателем и ненавистником святых; епископов же, которые были на стороне императора, он называл почитателями брюха и следующими мнению животов; особенно же (разумел он) любителей конных ристалищ и зрелищ: Бастилу, Триакафа, епископа Наколия и Азсикия, называя их за это новыми Зивом, Зевеем, Салманом и Дафаном, а подчиненных им — собранием Авирона.

Когда блаженный Стефан сказал это и еще много душеполезного, отцы, прощаясь с ним, зарыдали, целовали его, покинули его и направились в места безопасные для бегства, не из боязни мученичества, а боясь козней тирана и своей малой опытности, потому что тот, кто не имеет опыта, не совершенен.

Борьба аввы св. Иоанна в защиту святых икон и православной веры дошла до таких пределов, что он стал поносить императоров и главных представителей духовенства и правительства из-за его блестящего усердия и такой прямоты веры, что его слава и совершенства были провозглашены во всех далеких и отдаленных областях, и он сделался образцом, по следам которого идут вследствие великой борьбы его и обилия его подвижничества.

Сколь нужно нам теперь, христоролюбивое собрание, почитать память его, достойную всякой славы, божеской и человеческой, так как почти ни в какое время нельзя обойтись без многополезных его сочинений, постоянно радующих верующих! И часто льется из обильного источника нечто более сладкое, чем мед, капающий с медовых пряников, и часто более приятное, чем его вкушение, потому что сочинения Иоанна превосходны во всяком месте, во всех смыслах для всякого желания; они известны, очевидны, ясны.

Когда же Иоанн достиг глубокой старости, богатой добрыми делами, он освободился из условий мира и удалился к желанному Христу, у Которого успокоилась его душа, витая в небесном Царстве, где находятся селения высокие, блестящие, исполненные всех радостей и счастья, которые превыше описаний в прославлении Троицы и святых со стороны херувимов и в ликовании серафимов, в вознесении славы и хвалы.

Я прошу тебя, отец наш блаженный Иоанн, чтобы ты заступился за мое смирение и от малого знания моего и великого ничтожества принял сей небольшой рассказ, который я составил на основании некоторых известий о твоих добродетелях многочисленных и обильных. Мне не было известно о всей их многочисленности: я только собрал из книг отдельные, разбросанные части, которые нашел вместе с житиями отцов твоего времени, записанными вместе с тем, что было присоединено по слухам и по преданию в разном порядке. Я связал одно с другим, так что (рассказ) стал единым ожерельем, пригодным для духовного пользования тому, кто захочет питаться им и извлечь пользу, ознакомившись с ним; вместе с этим читающего вполне удовлетворит польза от него; он познает величие твоей мудрости и заботливости, до какого предела они дошли. Вместе с тем я пылал желанием и старался, по мере возможности, чтобы этот незначительный отрывок ничтожной речи изучался в славный день твоего поминовения, приходящийся на 4-е число Кануна I, и чтобы твой славный годовой зело радостный праздник не был лишен вознесения хвалы и прославления Св. Троице; Отцу, Сыну и Св. Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.